

Директор
ФГБНУ «Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва»

В.В. Аристархов
06 декабря 2019 г.

Отзыв ведущей организации –

Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия) – на диссертационную работу иеромонаха Дометиана (Давида Арсеновича Маркаряна) по теме «Генезис и развитие традиционного типа монастырского ансамбля на примере русских монастырей XIV-XVII столетий», представленную на соискание ученой степени кандидата богословия

Автор представленной диссертации приводит в своей работе замечательные слова святителя Игнатия Брянчанинова: «Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие». Из этой мысли развивается концепция данного труда, автор которого справедливо утверждает, что «существование такого сообщества монашествующих, предполагавшего отстраненность от мира и автономное существование с устойчивым укладом жизни, должно было получить и не менее самобытное пространственное оформление». Такое утверждение, естественно, ведет автора дальше – «им стал монастырский архитектурно-ландшафтный комплекс, происхождением своим уходящий в глубокую древность и каноническими моделями, полными символики и метафорических смыслов, выразивший характерные религиозные представления о мире». С этим нельзя не согласиться.

Не буду подробно говорить об актуальности работы. Она очевидна в наши дни возрождения православной монастырской культуры России. Несомненна научная новизна подхода автора и его академическая серьезность. Анализ архитектурных ансамблей православных монастырей предпринимался многократно, и в работах советского времени, и в последние десятилетия, особенно в отношении белорусских и молдавских монастырей. Русские же монастыри, в частности обитатели Москвы еще, на мой взгляд, не были целостно проанализированы в контексте истории их художественного и смыслового единства. Но, может быть, даже не это составляет наиболее

важную особенность подхода автора. Очень интересен обобщающий, историко-теоретический характер исследования, остающегося при этом на конкретной почве рассмотрения памятников религиозной архитектуры, а не пытающегося навязывать истории какие-то надуманные схемы. Напротив – перед нами взвешенная и отчетливо серьезная и профессиональная научная работа.

Она состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматривается архитектурно-ландшафтная символика храмового комплекса в историческом развитии от истоков монастырского пространства и его архитектуры до символики христианского монастыря, твердо установившейся в ходе Средних веков во всем христианском мире, в виде своего рода «модели» «рая на земле». Мысль эта не новая, я бы сказал общепринятая, но совершенно верная, и изложена эта концепция подробно, исторически последовательно на достаточном для кандидатской диссертации «пространстве» в два авторских листа. Примеров здесь можно было бы приводить сколько угодно и хорошо, что автор выбрал достаточный и сдержанный характер и объем для данного текста. В отдельном разделе этой же главы автор показывает распространение этой концепции в древнерусских монастырях и ее особенности в истории архитектуры нашей Церкви. Замечу, что не менее интересно ее развитие и в более позднее время, вплоть до сего дня буквально. Заключает Первую главу разработанное автором представление о каркасе христианского храмового архитектурно-ландшафтного ансамбля в его символическом значении.

Во Второй главе рассматривается, как особенности русского национального мироощущения выразились в архитектурно-ландшафтных комплексах отечественных православных монастырей. Здесь справедливо отмечается связь сакральных ландшафтов с православной духовной культуры. Особенно существенным представляется как в историко-церковном, так и архитектурном отношении вообще отдельный раздел, посвященный идее о ценности божественной первоначальной природы в учении исихазма. Анализ этого представления не только убедителен и достаточно полон, но и актуален для современной культурологии и искусствоведения, особенно истории и теории ландшафтного сада, и для ландшафтной архитектуры в целом. Конечно, признавая, вслед за автором диссертации, определяющее влияние Божественного замысла о творении на все средневековое искусство, включая все его виды и жанры от градостроительства до декоративно-прикладного искусства, от музыки до литературы, все же подчеркну, что это существенно и для всей

художественной культуры христианского мира, а не только русского монастырского ландшафтного искусства.

В главе Третьей «Особенности архитектурного и ландшафтного решения ансамблей русских монастырей XIV-XVII вв.» автор определяет исторические этапы рассматриваемых произведений зодчества и пейзажного искусства с позиций отражения в них представлений о мире в Московском государстве XIV-XVII веков, а также показывает традиции строительства и обустройства монастырей XVI-XVII столетий в связи с развитием русской духовности и государственности. В целом в своем исследовании автор выявляет источники, повлиявшие на формирование канонической структуры монастырского комплекса с древнейших времен, а также убедительно показывает связь между сакральными традициями устройства архитектурного монастырского ансамбля русских монастырей и процессом исторического становления Московского государства XIV-XVII веков.

Следует поддержать выявление связей русского монастырского искусства с древнейшими истоками происхождения христианского монастыря и его символических значений. При этом неслучайно, что сравнительное исследование идеи «райских садов», символических значений ландшафтов религиозных ансамблей дохристианских и христианских культур, столь ясно отмеченное в Священном Писании.

Нельзя не согласиться с автором, что религиозный комплекс (в том числе христианского монастыря) заключал в себе чаще всего пять элементов: «ограду», служившей семантическим знаком спасения; «источник» - символ вечной жизни; «центральной аллее» - пути к Богу; «небесный свод» - символа обращения к Богу, «священной рощи» - Райского сада. Не вызывает сомнения утверждение, что «каноническая схема заключала в себе некое синергическое действие Промысла Божия и сознательной воли людей...»

Очевидно, что устойчивый канонический каркас храмовых пространств, как правило, включает в себя особенности национально-самобытного творчества и характерного этнического мироощущения. Конечно, русский монастырь, его ансамбль и окружающий ландшафт, является частью духовной жизни русского человека и естественно, что «с первых лет принятия христианства ... многие особенности монастырской жизни русского иночества складывались в процессе формирования собственного духовного опыта, имевшего первостепенное значение». Диссертант выделяет, например, скит преподобного Нила Сорского, служившего образцом для русского монашества, где «лес на территории скита рубить строго запрещалось, кельи поставлялись на расстоянии брошенного камня прямо среди деревьев лесной чащи, становившейся

территорией обители. К такому восприятию природного мира располагали и бытовавшие в то время на Руси литературные сочинения первых веков христианства...»

Средневековый монастырский сад в XVI-XVII веках не последовал регулярным декорированным западным образцам «сада-рая», сохраняя свободу в планировке, как монастырского сада, так и «подмонастырье», создавая особую духовную атмосферу пространства обители, прочно укорененную символической системой отечественных канонических монастырских традиций, развивавшихся в тесной взаимосвязи с изучением и постижением Священного Писания. Хорошо пишет автор, что добрая и радостная сущность сада создавала душевное и духовное равновесие, тем самым, становясь «щитом ограждения от духовной вражды и нестроений». Важно отметить и то, чем заканчивается диссертация: «изначально присутствовавший в канонической схеме монастыря символический образ горнего мира, «Небесного Иерусалима» претворялся в создание все новых и новых храмов и обителей источником вдохновения которого становились древние святыни Православного Востока ... что (свидетельствовало) о всемирном историческом и духовном значении Русской Православной Церкви и Святой Руси как образе Небесного Иерусалима и горнего Сиона».

Вместе с тем предпринятое диссертантом исследование, естественно, имеет некоторые недочёты и недостатки.

1. К сожалению, в обзоре источников отсутствует и в диссертации не используется замечательный труд иеродиакона Дамаскина, инока Московского Чудова монастыря, совершившего паломничество на Святую Гору Афон в конце XVII в. и в Соловецкий Преображенский монастырь в самом начале XVIII в. Возвратившись обратно в Москву, Дамаскин в 1701-1703 гг. написал работу «Сравнение святой Афонской горы с Соловецким монастырём, и лес на оной». В своём сравнительном труде, который иеродиакон Дамаскин написал по благословию митрополита Новгородского и Великолуцкого Иова, он представил повседневную хозяйственную жизнь афонских и соловецких монахов, а также их взаимодействие с окружающей природной средой. Опираясь на этот материал, автор мог существенно обогатить свою работу при анализе вопросов формирования монастырских комплексов и ландшафтов, окружающих православные обители, под воздействием строительной и хозяйственной деятельности иноков в XVII в.

2. При тщательном подходе диссертанта к возможно широкому использованию богословской и научной литературы по теме исследования досадным упущением является отсутствие в библиографии современных

работ, связанных с монастырскими ландшафтами и географией религиозного культурного наследия. Представляю некоторые из них: Соколов М.Н. Принципы рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М., 2011. – 704 с.; Монастыри – культурные и духовные центры России и Европы: история и современность: международная монография. Отв. ред. О.Г. Севан. М., 2003. – 250 с.; Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008. – 320 с.; Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М., 2018. – 472 с.

3. В Заключении автор указывает на три фактора, определяющих самобытность русского монастыря и его архитектурно-ландшафтного комплекса. На мой взгляд, необходимо к трём указанным факторам добавить четвёртый – особенности природно-климатического окружения и традиционной хозяйственной деятельности насельников монастырей. Это важный аспект, который существенно определил своеобразие и неповторимую особенность формирования ансамблей русских православных обителей.

Высказанные пожелания и предложения носят рекомендательный характер и не оказывают влияние на высокую оценку данной диссертационной работы, которая является завершённым, самостоятельным и оригинальным исследованием, отличающимся научной новизной. Цели и задачи исследования, сформулированные автором, были достигнуты. Работа написана логично, доказательно, ясным и понятным научным языком.

Диссертация представляет собой исследование высокого уровня, поэтому рекомендую её к защите. Также считаю, что работа иеромонаха Дометиана (Давида Арсеновича Маркаряна) соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата богословия.

Отзыв был обсуждён и утверждён 05 декабря 2019 г. на заседании Центра социокультурных программ Института Наследия.

Отзыв подготовлен кандидатом культурологии,
советником директора Института Наследия

С.Ю. Житенёвым

Доктор исторических наук, руководитель
Центра социокультурных и туристских
программ Института Наследия

Ю.С. Пуত্রик

*Путрику С.Ю. Житенёву и
Нагельской
Евгения Карлов
26.12.2019.*

Ю.С. Пуত্রика удостоверяю